

Лагерлеф Сельма

Легенды о Христе

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С29

С29 **Сельма Л.**
Легенды о Христе / Лагерлеф Сельма – М.: Книга по Требованию, 2023. – 241 с.

ISBN 978-5-519-92235-7

ISBN 978-5-519-92235-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

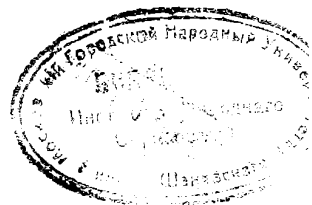
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Святая ночь	1
Видѣніе императора	11
Колодець мудрецовъ	21
Виѡлеемскій младенець	33
Бѣгство въ Египеть	59
Въ Назаретѣ	69
Въ храмѣ	77
Покрывало св. Вероники	95
Красношейка	151
Господь и св. Петръ	161
Свѣча отъ гроба Господня	175

СВЯТАЯ НОЧЬ.

ПЯТИ лѣтъ я пережила очень сильное горе. Пожалуй это было самое большое горе, какое только выпадало на мою долю. У меня умерла бабушка. До этого дня она проводила все время въ своей комнатѣ, сидя на угловомъ диванѣ и рассказывая намъ сказки.

Помню я о бабушкѣ не очень много. Помню, что у нея были красивые, бѣлые какъ снѣгъ, волосы, что ходила она, сильно сгорбившись, и всегда вязала чулокъ.

Потомъ помню я еще, что, рассказывая какую-нибудь сказку, она, бывало, положить свою руку мнѣ на голову и скажетъ:

— И все это правда... Такая же правда, какъ то, что мы вотъ сейчасъ видимъ другъ друга.

Вспоминается мнѣ также, что она умѣла пѣть славныя пѣсни, только пѣла не часто. Въ одной изъ этихъ пѣсень говори-

лось о какомъ-то рыцарѣ и русалкѣ. У этой пѣсни былъ припѣвъ:
«А по морю, а по морю дулъ холодный вѣтеръ!»

Помню я еще одну молитву и псаломъ, которымъ она меня выучила.

Обо всѣхъ исторіяхъ, которыя она рассказывала, у меня сохранилось слабое, туманное воспоминаніе, и только одну я помню такъ ясно, что могу ее рассказать. Это небольшая исторія о рожденіи Христа.

Вотъ, кажется, и все, что я помню о своей бабушкѣ, кромѣ, впрочемъ, того ужаснаго горя, когда она умерла. Это я помню лучше всего.

Словно вчера это было — такъ помню я утро, когда диванъ въ углу вдругъ оказался пустымъ, и я не могла себѣ представить, какъ пройдетъ этотъ день. Это я помню отчетливо и никогда этого не забуду.

Помню какъ насъ привели проститься съ бабушкой и поцѣловать ея руку, и какъ мы боялись поцѣловать покойницу, и какъ кто-то сказалъ, что мы должны поблагодарить ее въ послѣдній разъ за всѣ радости и удовольствія, которыя она доставляла намъ.

Помню я, какъ всѣ наши сказки и пѣсни вмѣстѣ съ бабушкой положили въ длинный черный гробъ и увезли... увезли навсегда. Мнѣ казалось, что тогда исчезло что-то изъ нашей жизни. Какъ будто дверь въ чудную, волшебную страну, по которой раньше мы свободно бродили, закрылась навсегда. И ужъ никто не умѣлъ потомъ отворить эту дверь.

Мы, дѣти, постепенно научились играть въ игрушки и куклы и жить, какъ живутъ другія дѣти. И тогда со стороны можно было подумать, что мы перестали чувствовать отсутствіе бабушки, перестали ее вспоминать.

Но и теперь еще, хотя съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ,

въ моей памяти ясно встаетъ небольшая исторія о рожденіи Христа, которую не разъ рассказывала мнѣ бабушка. И мнѣ самой хочется рассказать ее, хочется и ее включить въ сборникъ «Легендъ о Христѣ».

* *
*

Это было въ день Рождества Христова. Всѣ, кромѣ бабушки и меня, отправились въ церковь. Только мы вдвоемъ, кажется, и остались во всемъ домѣ. Одна изъ насъ была слишкомъ стара, чтобы ѣхать, а другая еще слишкомъ мала. И вотъ, обѣимъ намъ было грустно, что не придется услышать рождественскій гимнъ и полюбоваться сіяніемъ рождественскихъ свѣчей въ церкви. И бабушка рѣшила разогнать нашу грусть рассказомъ.

«Однажды, темной ночью, — начала она, — отправился одинъ человѣкъ раздобыть огня. Онъ ходилъ отъ одного дома къ другому, стучалъ и говорилъ: «Помогите мнѣ, добрые люди! Жена моя родила ребеночка... Надо развести огонь и согрѣть ее и младенца».

Но дѣло было ночью, всѣ уже спали, и никто не отзывался на его просьбу.

Человѣкъ шелъ все дальше и дальше. Наконецъ вдали онъ замѣтилъ огонекъ. Онъ пошелъ въ ту сторону и увидалъ, что это костеръ. Вокругъ него лежало стадо бѣлыхъ овецъ. Стадо сторожилъ старый пастухъ.

И вотъ человѣкъ, которому было нужно достать огня, подошелъ къ овцамъ и увидалъ, что у ногъ пастуха лежали три большія собаки. При его приближеніи всѣ три собаки проснулись, раскрыли свои громадныя пасти, какъ бы желая залаять, но ни малѣйшимъ звукомъ не нарушили ночной тишины. Человѣкъ видѣлъ, какъ оцетинилась шерсть у собакъ на спинѣ, какъ за-

сверкали ихъ бѣлые зубы и какъ бросились онѣ на него. Онѣ почувствовалъ, какъ одна собака схватила было его за колѣно, другая—за руку, а третья повисла было у него на шеѣ. Но челюсти и зубы не повиновались собакамъ, и онѣ, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда, отошли въ сторону.

Тогда человѣкъ направился къ костру, но овцы такъ плотно прижались другъ къ другу, что нельзя было пройти. Онѣ стали пробираться къ огню по ихъ спинамъ, и ни одна овца не проснулась, даже не пошевелилась».

До этого мѣста бабушка рассказывала, не останавливаясь, и я не прерывала ее, но тутъ у меня вырвался невольный вопросъ:

— Почему же, бабушка, овцы остались спокойно лежать? Вѣдь онѣ такъ пугливы? — спрашиваю я.

— Подожди минутку и узнаешь! — говоритъ бабушка и продолжаетъ свой рассказъ.

«Когда человѣкъ этотъ почти дошелъ до костра, пастухъ поднялъ голову. Это былъ угрюмый старикъ, ко всѣмъ людямъ относившійся подозрительно и непривѣтливо. Когда онѣ увидѣлъ подходившаго къ нему незнакомца, онѣ схватилъ длинный, заостренный на концѣ посохъ, съ которымъ ходилъ всегда за стадомъ, и бросилъ въ него. Со свистомъ полетѣлъ посохъ по направлению къ незнакомцу, но прежде чѣмъ удариться въ него, отклонился и, пролетѣвъ мимо, со звономъ упалъ въ полѣ».

Бабушка хотѣла продолжать, но я опять перебила ее.

— Отчего же посохъ не попалъ въ этого человѣка?

Но бабушка, не обративъ вниманія на мой вопросъ, уже рассказывала дальше.

«Тогда незнакомецъ подошелъ къ пастуху и сказалъ ему: «Помоги мнѣ, другъ мой, дай мнѣ огоньку. Жена моя родила ребеночка, и надо развести огонь, согрѣть ее и младенца!»

Пастуху хотѣлось отвѣтить отказомъ, но онъ вспомнилъ, что собаки не могли укусить этого челоуѣка, овцы не испугались и не убѣжали отъ него и посохъ не задѣлъ его, и ему стало жутко, и не хватило смѣлости отказать незнакомцу.

«Бери, сколько хочешь!»—сказалъ пастухъ. Но костеръ уже почти догорѣлъ и не осталось ни одного полѣна, ни одного сучка,—лежала только большая куча горячихъ угольевъ, а у незнакомца не было ни лопаты, ни ведра, въ которыхъ можно было бы ихъ донести.

Замѣтивъ это, пастухъ повторилъ: «Бери, сколько хочешь!»—и радовался при мысли, что тотъ не сможетъ унести съ собой жаръ. Но незнакомецъ нагнулся, выгребъ рукой изъ-подъ пепла уголья и положилъ ихъ въ полу своей одежды. И уголья не обожгли руки его, когда онъ бралъ ихъ, и не прожги его одежды. Онъ понесъ ихъ къ себѣ, какъ будто это былъ не огонь, а орѣхи или яблоки».

На этомъ мѣстѣ я перебиваю бабушку въ третій разъ.

— Отчего же, бабушка, уголья не обожгли его?

— Услышишь, услышишь! Подожди! — говоритъ бабушка и продолжаетъ свой рассказъ:

«Когда злой и угрюмый пастухъ увидалъ все это, онъ очень удивился.

— Что же это за ночь такая, что злыя овчарки не кусаются, овцы не пугаются, посохъ не убиваетъ, а огонь не жжетъ?!

Онъ остановилъ незнакомца и спросилъ его:

— Что это за ночь такая сегодня? И отчего все къ тебѣ такъ милостиво относится?

— Если ты самъ не замѣчаешь, не могу я тебѣ объяснить этого! — отвѣтилъ незнакомецъ и пошелъ своей дорогой, чтобы поскорѣе развести огонь и отогрѣть свою жену и младенца.

Пастухъ рѣшилъ не терять изъ вида незнакомца и узнать, что все это значитъ, и шелъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не добрался до своей стоянки. И увидалъ пастухъ, что у этого человѣка не было хижины, а жена его и младенецъ лежали въ пустой пещерѣ, гдѣ ничего не было кромѣ голыхъ каменныхъ стѣнъ.

И подумалъ тогда пастухъ, что бѣдный невинный ребенокъ навѣрное озябъ въ пещерѣ, и, хотя сердце у пастуха было не изъ нѣжныхъ, ему стало жалко младенца. Рѣшивъ помочь ему, пастухъ снялъ съ плеча свою сумку, вынулъ оттуда мягкую бѣлую овчину и передалъ ее незнакомцу, чтобы тотъ положилъ на нее младенца.

И въ ту же самую минуту, когда оказалось, что и онъ, жестокосердный, грубый человѣкъ, можетъ имѣть состраданіе къ людямъ,—открылись глаза его и онъ увидѣлъ то, чего раньше не могъ видѣть, и услышалъ то, чего раньше не могъ слышать.

Онъ увидалъ, что около него плотнымъ кольцомъ стоятъ маленькіе ангелы съ серебряными крыльями, и въ рукѣ у каждого изъ нихъ—арфа, и услышалъ, какъ они громко пѣли о томъ, что въ эту ночь родился Спаситель, который искупить міръ отъ грѣховъ.

И тогда понялъ пастухъ, отчего никто въ ^{эту} ночь не могъ причинить зла незнакомцу.

Оглянувшись, увидѣлъ пастухъ, что ангелы были вездѣ: они сидѣли въ пещерѣ и спускались съ горы, летали по небу; громадными толпами проходили они по дорогѣ, останавливались у входа въ пещеру и всматривались въ младенца.

И повсюду была радость, торжество, пѣніе и нѣжная музыка... И все это видѣлъ и слышалъ пастухъ въ темную ночь, въ которой раньше ничего не замѣчалъ. И ощутилъ онъ великую радость